

ГЕРМЕНЕВТИКА СВЯЩЕННОГО ПИСАНИЯ

ОСОБЕННОСТИ ИНТЕРПРЕТАЦИИ БИБЛИИ КАК ЛИТЕРАТУРНОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ

Священник Дионисий Ким

магистр богословия
аспирант кафедры Библиистики
Московской духовной академии
141300, Сергиев Посад, Троице-Сергиева Лавра, Академия
dionysius84@mail.ru

Для цитирования: *Ким Д., свящ.* Особенности интерпретации Библии как литературного произведения // Библейские схолии. 2024. № 4 (9). С. 72–97. DOI: 10.31802/BSCH.2024.9.4.005

Аннотация

УДК 27-277.2

В данной статье рассматривается вопрос о возможности интерпретации Библии как литературного произведения, подчиняющегося общим для мировой литературы закономерностям. Указанная проблема возникает в контексте применения нарративного метода к анализу библейского текста, который уже зарекомендовал себя в западной библиистике и постепенно входит в отечественную богословскую науку. Автор рассматривает понятие «литературность» и его аспекты, связь литературности и нарративности, перечисляет проблемные аспекты интерпретации Библии как литературы. Литературность Библии также анализируется в контексте особенностей библейского историзма. Акцентируется внимание на том, что художественность библейского повествования представляет собой в том числе и приглашение читателя к самоанализу. В статье также высказываются соображения касательно наличия в библейском тексте приемов литературного воздействия на читателя

Ключевые слова: нарративный метод, литературность, нарратив, историзм, жанр, художественность.

Features of the Interpretation of the Bible as a Literary Work

Priest Dionysius Kim

MA in Theology

PhD student at the Department of Biblical Studies

at the Moscow Theological Academy

Holy Trinity-St. Sergius Lavra, Sergiev Posad 141300, Russia

dionysius84@mail.ru

For citation: Kim D. priest. "Features of the Interpretation of the Bible as a Literary Work". *Biblical scholia*, No 4 (9), 2024, pp. 72–97 (in Russian). DOI: 10.31802/BSCH.2024.9.4.005

Abstract. This article examines the question of the possibility of interpreting the Bible as a literary work that obeys the laws common to world literature. This problem arises in the context of applying the narrative method to the analysis of the biblical text, which has already proven itself in Western biblical studies and is gradually entering Russian theological science. The author examines the concept of «literariness» and its aspects, the connection between literariness and narrativeness, and lists the problematic aspects of interpreting the Bible as literature. The literature of the Bible is also analyzed in the context of the peculiarities of biblical historicism. Attention is focused on the fact that the artistry of the biblical narrative also represents an invitation to the reader to self-analysis. The article also expresses considerations regarding the presence in the biblical text of techniques of literary influence on the reader.

Keywords: narrative method, literariness, narrative, historicism, genre, artistry.

Нарративный подход в современной гуманитаристике естественным образом затронул и библейский текст, который представляет собой особого рода повествование и набор, переплетение различных повествований, в существенной степени отличающийся от мифологических рассказов и от позитивистского изложения исторических событий прошлого. Но, прежде чем перейти к анализу Библии с точки зрения нарративного подхода, необходимо затронуть проблему восприятия библейского текста в качестве литературного источника, в котором уникальным образом неоднократно преломляются различные жанры: «Библейский текст — художественный по своей природе, следовательно, подходить к нему нужно как к произведению литературы»¹. Библейские повествования можно проанализировать на предмет их структуры, персонажей, обстановки и т. д.

Понятие литературность

Важным для нашего исследования является понятие «литературность», которое необходимо учитывать при попытках применения нарративного метода к библейскому тексту. Термин «литературность» впервые был введен русским формалистом Романом Якобсоном в 1921 году. Он заявил, что предмет литературоведения является не литература, а литературность, т. е. то, что делает данное произведение литературным произведением. В центре внимания русских формалистов был анализ особенностей, составляющих художественные тексты, в отличие от прежнего традиционного литературоведения, ориентированного на изучение литературы в сочетании с другими дисциплинами, такими как история, биография, социология и психология. Формализм настаивал на том, что литературоведы должны интересоваться исключительно составными частями литературного текста, подчеркивая, что основное внимание нужно уделять самому литературному творению, а не автору/читателю или каким-либо другим внешним системам.

Еще одним ключевым термином в контексте исследования литературности является понятие «сюжет». Так, для русского формалиста В. Шкловского сюжет является важнейшей чертой повествования, поскольку он утверждает, что между «рассказом» и «сюжетом» существует четкая разница. История повествования влечет за собой нормальную

1 Райкен Л. Библия как памятник художественной литературы. Киев — Санкт-Петербург, 2002. С. 35.

временную последовательность событий, тогда как сюжет представляет собой искажение нормальной сюжетной линии.

Литературность — это «признак (или свойство) высказывания (текста), относящий это высказывание (текст) к литературному дискурсу или, если использовать традиционный термин, литературе»². Литература, понимаемая в широком смысле, как самоценная фиксированная речь обладает двумя свойствами: 1) независимостью от случайных бытовых обстоятельств произнесения; 2) зафиксированной неизменностью текста. Само слово «литература» в переводе означает «буквенное письмо». В узком смысле литература создается с очевидной художественной целью в качестве эстетического объекта, но становится таковым лишь при определенных обстоятельствах. Здесь понятие «литература» сближается с понятиями «художественность», «эстетичность» и «поэтичность».

Аспекты литературности

В данном случае мы имеем дело с проблемой разграничения конститутивно-типологического и аксиологически-нормативного аспектов литературности: «В *типологическом аспекте* (конститутивном режиме, по Ж. Женетту) литературность характеризует те или иные речевые высказывания (тексты) как частные манифестации литературного дискурса с его специфическими (на данном историческом этапе) особенностями, неким общим фондом свойств, форм организации и приемов членения <...> В *аксиологически-нормативном* аспекте (кондициональном режиме, по Ж. Женетту) литературность предстает в виде определенной, исторически изменчивой системы эстетических оценок или критериев. Аксиологически-нормативный аспект относится к области литературной эстетики и литературной критики, занимающихся исследованием причин, по которым тот или иной литературный текст становится эстетическим объектом или, наоборот, перестает быть таковым»³.

Применяя теорию литературы к библейскому тексту, нужно учитывать различие между *фикциональными* и *фактуальными* аспектами повествования. Фикциональность является одним из базовых признаков

2 Андреева В. А. Аспекты литературности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 4 (18). С. 7.

3 Там же.

повествовательного текста, в особенности художественного. Шмид дает такое определение термину фикциональности: «признак художественного текста, указывающий на онтологический статус изображаемого в тексте мира, который, в свою очередь, представляет собой фикцию, или выдумку, сконструированную автором *и не содержащую намерения обмануть читателя*»⁴. Фикциональный не означает фиктивный: понятие «фикциональный» характеризует специфику текста, а термин «фиктивный» (или же «вымышленный») характеризует мир, изображаемый автором в фикциональном тексте. Стоит сказать, что фикциональность часто отождествляется с литературностью внутри конститутивно-типологического аспекта литературности. Однако, «нет сомнений, что фикциональность входит в понятие «литературность», но вымысел как основа литературного (художественного) текста *не исчерпывает его специфики* как литературного и, тем более, эстетического объекта»⁵. Сведение литературности к фикциональности распространено в нарратологических концепциях, однако может быть научно оспорено.

Связь литературности и нарративности

Литературность связана с нарративностью, и это также нужно учитывать при анализе библейского текста с литературной точки зрения. Нарративность и литературность являются онтологическими признаками литературного нарратива как особой стратегии текстообразующего освоения мира: «*Нарративность* может быть определена как специфическая практика текстообразующего способа представления мира или его фрагмента в виде *сюжетно-повествовательных высказываний*, в основе которых лежит некая история (фабула), преломленная сквозь призму определенной (определенных) *точки (точек) зрения*. *Литературность* является способом представления истории в определенной *жанровой форме* (рематический критерий литературности) в виде вымысла (тематический критерий литературности)»⁶. Нарративность и литературность в качестве дискурсных категорий литературного нарратива находятся в связи с его *текстовыми категориями и языковыми элементами*,

4 Шмид. В. Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. С. 19.

5 Андреева В. А. Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива: на материале современной немецкоязычной прозы: автореферат дис. ... доктора филологических наук. СПб., 2009. С. 17.

6 Там же, С. 5.

которые актуализируют эти категории в текстовом построении. Важно учитывать, что указанная связь носит не жестко детерминированный, а *вероятностный* характер. Очевидно, что литературность библейского текста связана с использованием жанровых форм.

Литературность и поэтичность в структуре акта речевой коммуникации

Также важным в контексте рассматриваемой нами проблемы обратить внимание на структуру акта речевой коммуникации в модели Якобсона. Двумя крайними компонентами речевого акта являются адресант и адресат. Любое сообщение подразумевает контекст, который задает единство пространства коммуникации, а также код, который делает сообщение значимым для тех, кто вступает в речевую коммуникацию. Акт передачи речевого сообщения фиксирует контакт между участниками коммуникации, который предъясняется в физическом канале или психологической связи. В итоге получается следующая картина: «В процессе разворачивания речевого акта адресат и адресант необходимо меняются местами для точного установления пространства коммуникации, то есть адресант встает на место адресата, и наоборот. Таким образом, в акте коммуникации любое речевое сообщение циркулирует между двумя взаимообусловленными, постоянно меняющимися позициями, тем самым обозначая контекст, код и контакт конкретной коммуникативной ситуации»⁷.

Якобсон выделяет шесть языковых функций:

- 1) эмотивная (экспрессивная) функция, которая находит свое выражение в акценте на адресанте;
- 2) конативная (апеллятивная) функция, которая заключается в ориентации на адресата;
- 3) реферативная (коммуникативная) функция, которая ориентирует на контекст;
- 4) фатическая функция, которая необходима для становления/ проверки контакта;
- 5) метаязыковая функция, которая служит для проверки/уточнения кода;
- 6) поэтическая функция, которая ориентирована на само сообщение.

7 Обухов К. Н. Проблема удержания смысла в ситуации речевой коммуникации в концепции Р. Якобсона // Вестник Удмуртского университета, 2010. № 2. С. 34.

В контексте анализа библейского текста особое внимание нужно уделить поэтической функции. Якобсон подчеркивал: «Поэтичность — не дополнение к высказыванию, которое добавляет ему риторического изящества, а полная переоценка высказывания и всех без исключения его составных частей»⁸. В связи с поэтичностью ученый, в частности, акцентировал *параллелизм* (в том числе библейский) в качестве фундаментальной проблемы, который, как известно, многократно встречается в библейском тексте.

Также наше внимание привлекает высказывание Якобсона о том, что неотъемлемым свойством поэтической функции является *неоднозначность*, которую он считает внутренне присущим, неотчуждаемым свойством любого направленного на себя сообщения. Очевидное наличие в библейском тексте поэтичности, которая соответствует универсальным нормам построения, как и реализации других языковых функций (не только по модели Якобсона, которая впоследствии уточнялась и дополнялась учеными), делает Библию объектом литературоведческого анализа. Сама по себе поэтичность библейского текста говорит о ее литературности в узком смысле слова⁹.

Литературоведческий подход к Библии позволил сформировать новую парадигму анализа библейского текста, в противовес буквализму фундаменталистов, согласно которой Священное Писание и отдельно взятые священные библейские книги воспринимаются как единое литературное произведение, «обладающее общим сюжетом со сквозным конфликтом глобального масштаба, состоящее из разножанровых блоков, представляющих произведения меньшего масштаба, но передающие немаловажные сведения о Боге, мире и человеке»¹⁰.

8 Цит. по: Десницкий А. Поэтика библейского параллелизма. М., 2007. С. 72.

9 Также в контексте нашего исследования необходимо учитывать, что Ю. М. Лотман критиковал модель Р. Якобсона, акцентируя то, что коды двух людей не могут быть полностью идентичны. К тому же язык не может быть рассмотрен обособлено: его следует рассматривать как код с присущей ему историей. Согласно Ю. Лотману, при абсолютном совпадении кодов, то есть полном соответствии сказанного и воспринятого, потребность в коммуникации пропала бы, а процесс коммуникации стал бы передачей команд. Интересен опыт применения лотмановской критики Якобсона к анализу библейского текста, что требует отдельного исследования.

10 Поликин С. В. Библия как литература. Специфика жанровых особенностей Писания и их интерпретации. СПб., 2013. С. 13–14/

Проблемные аспекты интерпретации Библии как литературы

Усиленный интерес к Библии как к литературному произведению мы фиксируем в XIX в.¹¹ С исторической и методологической точки зрения нарративный подход находится в неразрывном преемстве с литературоведением и литературной критикой: «Литературная критика имеет дело с толкованием и оценкой литературного сочинения путем тщательного исследования и анализа его самого на основе как внутренних факторов (жанра, структуры, содержания, источников), так и внешних (исторический и социальный фон, биографические данные, психологическая информация)»¹².

Литературоведческий подход к библейскому тексту требует ответа на вопрос, в каком смысле Библия как богодухновенный текст может считаться литературой, в какой степени она подчиняется «земным» законам функционирования литературных произведений мира.

Стоит сказать, что на заре становления нарративного анализа стремление к более литературному подходу к Евангелию впервые было выражено самими историческими критиками в знак признания ограниченности исключительно исторического подхода. И все же после того, как была признана необходимость истинного литературного изучения Евангелий, сохранялась неуверенность в том, как действовать дальше. Существуют существенные различия между Евангелиями и сочинениями Гомера. Проблема обращения с Евангелием «как с любой другой книгой» заключается в том, что Евангелия не похожи на другие книги. В некоторых отношениях они больше напоминают современные романы, чем современные биографии, и все же очевидно, что их авторы не хотели рассматривать их как вымысел¹³.

Существует взгляд, согласно которому, Библия — это то, что не сопоставимо с памятниками мировой литературой по причине своего богооткровенного происхождения. Однако с формальной точки зрения всякий письменный памятник, обладающий общественным значением, представляет собой литературу. Богодухновенность Библии несколько не изымает из нее законы обычной человеческой литературы, ведь любой писатель творит только при наличии вдохновения, от Бога оно, или нет.

11 Синило Г. В. Древние литературы Ближнего Востока и мир ТаНаХа. Мн., 1998. С. 170.

12 Ауди Д. Е. Новый Завет и его литературное окружение. СПб., 2000. С. 15–16.

13 Powell M. A. What is narrative criticism? Fortress Press; Edition Unstated, 1991. P. 2.

Ниже мы подробнее остановимся на том, каким образом нарративный подход к анализу Библии, вбирающий в себя инструментарий литературоведения и некоторых иных гуманитарных дисциплин, согласуется с традиционными православными представлениями о богодухновенности Священного Писания. Пока же мы позволим себе ограничиться следующей цитатой: «...никоим образом не посягая на божественное происхождение Библии, никогда нельзя забывать, что божественное слово прошло сквозь фильтр человеческого разума и отлилось в различные человеческие литературные формы, характерные для определённого времени и определённой среды, которые оставили глубочайший след в этой богочеловеческой книге»¹⁴.

Также нельзя забывать о том, что с культурологической точки зрения библейские тексты связаны с древневосточной литературной традицией и отражают в себе ее характерные черты. Определенное время, при сличении раннехристианских письменных памятников с иными произведениями античной литературы приводило исследователей Нового Завета к представлению о том, что различия между новозаветными книгами и древними нехристианскими аналогами настолько велико, что христианские письменные памятники необходимо воспринимать в качестве особого вида литературы.

В то же время, «открытие на рубеже XIX–XX вв. многочисленных папирусов в Египте и десятилетия трудов по изданию ранее малоизвестных произведений эллинистического и римского времени привели к пониманию того, что во времена зарождения христианства существовало большое разнообразие литературных форм и стилей, да и сам разговорный язык был неоднороден»¹⁵. Д. Ауни говорит о том, что каждая книга Нового Завета представляет собой пример приспособления иудейских религиозных и этнических традиций к эллинистическим формам языка, литературы и риторики¹⁶. Исследователь в своей монографии 1987 г. издания показывает, что только в то время, когда он издавал свою книгу, ученые в полной мере стали осознавать силу воздействия эллинистической литературной культуры на раннее христианство¹⁷. Влияние литературных традиций нееврейского происхождения на формирование библейского повествования обнаруживается

14 *Гальбиати Э., Пьяцца А.* Трудные страницы Библии. Ветхий Завет. Милан – Москва, 1992. С. 19.

15 *Ауни Д. Е.* Новый Завет и его литературное окружение. С. 5–6.

16 Там же. С. 8.

17 Там же. С. 8.

и в ветхозаветных книгах: «...стиль повествования 1 Маккавеев больше похож на классический египетский прозаический рассказ и Месопотамский эпос, чем на что-либо из еврейской Библии»¹⁸.

Л. Райкен говорил о наступлении «бархатной революции» в библеистике, движущей силой которой явилась убежденность в том, что Библия — это литературное произведение и поэтому без литературоведческого анализа невозможно полноценное изучение библейских текстов¹⁹. Это было встречным движением богословов и светских литературоведов. В качестве причин развития литературной интерпретации Священного Писания исследователь выделяет: 1) трудность определения жанровой структуры Библии; 2) стремление увидеть библейский текст в качестве законченного целого, а не набора разрозненных частей; 3) интерес к первоисточнику библейского текста как таковому, без многочисленных поправок на особенности перевода и ранние редакции; 4) открытие художественных достоинств Библии; 5) внимание к надинтеллектуальному срезу Писания, которое не сводится к констатации вероучительных положений²⁰. В то же время «литературоведческий анализ исходных или собственно художественных свойств библейского текста можно считать одним из ответвлений историко-текстологического метода интерпретации, призванного приблизить читателя к изначальному, очищенному от культурных наслоений смыслу текста»²¹.

Использование священнописателями художественных приемов позволяет нам подходить к Библии как к художественному тексту: «Священнописатели чрезвычайно заботились о художественности, словесном изяществе и эстетическом качестве своих текстов»²². Значение литературной составляющей библейского текста некоторые авторы сравнивают со знанием таблицы умножения в математике. Л. Райкен считает возможным выявить своего рода «грамматику» художественных форм и приемов в библейской текст²³.

Анализируя Библию как литературный памятник, мы позволяем себе ответить на вопрос о том, какие задачи ставили перед собой авторы, избирая для организации повествования те или иные жанры;

18 Analyse Narrative Et Bible: Deuxieme Colloque International Du Rrenab, Louvain-La-Neuve / Ed. C. Focant, A Wenin. Leuven University Press/Peeters; Leuven-Paris-Dudley, 2005. P. 375.

19 Райкен Л. Библия как памятник художественной литературы. Киев — Санкт-Петербург, 2002. С. 11.

20 Райкен Л. Библия как памятник художественной литературы. С. 11.

21 Там же. С. 9–10.

22 Там же. С. 9.

23 Там же. С. 10.

как правильно понимать способ их применения; каким образом знание жанровой специфики библейского текста помогает анализировать и понимать его. Авторы библейских книг старались не просто сохранить и передать некоторый набор объективно-исторических сведений, а еще и воздействовать на читателя в стремлении на глубинном уровне повлиять его мировоззрение и поведение. Жанровое многообразие Священного Писания создает благоприятные условия для указанного воздействия. Художественная литература дает ощущение сопричастности жизни, читатель узнает, что автор думает о добре и о зле, как он относится к окружающей действительности, что для него ценно, а что — нет. Человеческие переживания раскрываются в художественном тексте посредством осязаемых образов, которые призваны влиять на читателя и вводит его в пространство сопереживания, со-проживания. Автор художественного произведения стремится посредством деталей воссоздать событие (или ситуацию) во всей осязаемой конкретности, чтобы читатель мог пережить описанное как часть собственного опыта.

Ж. Л. Ска говорит о том, что некоторые исследователи возражают против «литературного подхода» на том основании, что он игнорирует историческую сторону Библии. Однако литературный подход, по слову автора, является, возможно, одним из лучших способов разобраться в исторических аспектах библейских повествований в том смысле, что экзегет стремится судить и оценивать текст в соответствии с нормами, заложенными в библейские повествования. Эти нормы вытекают из исторической и культурной среды текста. Другими словами, экзегет стремится читать тексты прошлого в соответствии с нормами прошлого²⁴.

В анализе Библии с позиций литературоведения важно учитывать, что не только священные тексты, но и в целом передача информации от одного субъекта к другому, как и значительная часть мыслительного процесса индивидов, *по сути своей нарративны* и подчиняются лингвистическим закономерностям, что в очередной раз показывает возможность литературного анализа Священного Писания не только как книги, но как словесной экзистенции.

24 Ска J. L. The Abraham Cycle: Synchronic and Diachronic Analysis. Pontifical Biblical Institute, 1996. С. 11.

Литературность Библии в контексте особенностей библейского историзма

Известно, что библейский текст, в отличие от многих сакральных текстов нехристианских религий, историчен в смысле раскрытия событий эмпирического существования, той истории, которой осязательно принадлежим мы, ныне живущие люди, что придает его повествовательности особый характер в сравнении с другими древними священными памятниками. Библейская картина мира вывела человека из циклического, вечно повторяющегося времени архаики в мир с линейным временем, собственно, в историю. Историчность Библии важна для христианства, поскольку в нем провозглашается пришествие Самого Бога в реальную, «наше» историческое течение времени.

Встречи человечества с Богом в рамках обычной человеческой истории лежат в основе библейского свидетельства о Боге. Это побудило некоторых описывать Священное Писание как «историю Бога». Указанный историзм очевиден, например, в вероучительных текстах ранней христианской общины, например, в Апостольском Символе веры, который включает в себя краткое изложение истории Воплощения. Это говорит о том, что при интерпретации Библии, особенно повествовательного материала, мы должны серьезно относиться к этому аспекту, изложенному при помощи литературных средств²⁵.

В то же время библейское повествование — это больше чем просто исторический рассказ, о чем говорит и сам библейский текст, и традиция его церковного толкования. Даже с точки зрения религиоведения, «сама по себе библейская концепция истории отнюдь не эквивалентна постренессансному представлению о его линейности»²⁶. Как мы увидим, нарративный метод позволяет раскрыть эту несводимость библейского повествования к позитивистскому пониманию исторического рассказа. В отличие от строго объективно-исторического подхода и его крайностей, в рамках нарративного анализа Библия воспринимается в качестве литературного текста в контексте субъектности читателя и автора.

Библейское повествование развилось из повествовательной поэзии окружающих западно-семитских древних ближневосточных культур, традиций, подтвержденных, в частности, угаритскими мифами

25 *Dennis B. Guidelines for Interpreting Biblical Narrative.* URL: <https://crivoice.org/narrguide.html>.

26 *Торчинов Е. А. Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния.* СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. С. 287.

и эпосами, которые датируются примерно второй половиной второго тысячелетия до нашей эры. Архаичные библейские поэмы, такие как, например, 15 глава книги Исход, вероятно, представляют собой древнейшие отрывки в Библии, и различными способами сопровождающие их прозаические повествования (14 глава книги Исход), перерабатывают эти традиционные поэмы в историзированную форму.

В рамках этой истории повествования особым достижением израильских писателей был перевод поэтической, возможно, устной, традиции в радикально отличающуюся среду литературной (письменной) прозы. На самом деле, древнееврейская Библия содержит то, что, возможно, является первым развернутым прозаическим повествовательным произведением в истории литературы переход от традиционной поэзии к литературной прозе имел глубокие последствия для нарративной репрезентации и объясняет ярко выраженные литературные качества библейского повествования в древнем мире.

Художественность библейского повествования как приглашение читателя к самоанализу

Еще одна крайность при чтении и анализе Священного Писания, дополняющая требование жесткого исторического объективизма, — это отношение к библейскому тексту как к сборнику абстрактных богословских идей, выраженных не только концептами, но по большей части образно-символическим поэтическим языком. Читатель должен быть очень внимательным к формальной и содержательно-эмоциональной стороне текста, и не сводить содержание Писания к набору отвлеченных рассуждений. Если наша «антенна» настроена исключительно на богословские или исторические понятия, мы неизбежно упустим многое из того, о чем говорит нам Писание, а главное, так и не поймем, что это за книга. Также в рассматриваемой нами интерпретативной парадигме читатель должен спросить: «Почему я читаю текст именно так?» и, возможно, более фундаментально: «Зачем я вообще читаю этот текст?».

Даже при поверхностном прочтении Библии становится очевидно, что в ней переплетены документальное и художественное повествования. Отсутствие акцента на объективно-историческом изложении событий связано не только с особенностями письменной культуры того времени, но и с живым стремлением рассказчика к тому, чтобы читатель не только получил информацию о происходившем или должном в религиозно-этическом плане, но и к тому, чтобы он смог пережить

описываемые события как часть своего собственного опыта. Читатель в данном случае эмоционально вовлекается в текст и важную роль в создании художественного образа здесь играет сила воображения (что совершенно не умаляет богодухновенности священного текста и не означает свободного фантазирования). Задачей читателя в этом контексте является не просто понимание того, что хотел сказать автор, но и формирование соответствующего эмоционального (можно сказать философским языком — экзистенциального) и действенного отклика в свою очередь. Примером в этом отношении могут послужить притчи. Притча не только построена по законам художественного повествования, но воздействует на читателя именно так, как может воздействовать только литературное произведение. Повествование предполагает не столько интеллектуальное освоение сюжета, сколько эмоциональное вовлечение читателя.

Библейское повествование представляет собой средство для изменения мировоззрения. В Евангелии сопереживание читателя сосредоточено на учениках, сопровождающих Иисуса, и что читатель будет отождествлять себя с ними. Принимая точку зрения учеников, читатель становится свидетелем высказываний, конфликтов и чудес их учителя. Выбирая «точку зрения ученика» (Евангелие от Иоанна, к слову, включает точку зрения второстепенных персонажей), авторы Евангелия хотят, чтобы читатель поверил в Иисуса как в Сына Божьего таким же образом, как это делали ученики²⁷. Художественно-литературное оформление библейского текста не только раскрывает точку зрения рассказчика на тематическую единицу повествования, но также представляет собой важный инструмент для диалога между миром повествования и миром современного слушателя-читателя Священных Писаний²⁸. Применение нарративного метода принимает *экзистенциалистское* направление, беря библейскую герменевтику, ориентированную на повествование, и выводя из нее надежную герменевтику «я», также ориентированную на повествование. Имеются исследования, которые рассматривают Поля Рикера и его философскую теорию как одну из опорных точек для обсуждения христианской теологии, основанной на нарративе. Интерпретация

27 *Finnern S.* Narration in Religious Discourse: The Example of Christianity // The Living Handbook of Narratology, Hamburg: Hamburg University. URL: www.lhn.uni-hamburg.de/article/narration-religious-discourse-example-christianity.

28 *Petterson B.* The narrator's point of view and the rhetoric of the narrative speech in the Hebrew Bible. URL: <https://atenaeditora.com.br/catalogo/artigo-revista/o-ponto-de-vista-do-narrador-e-a-retorica-do-discurso-narrativo-na-biblia-hebraica>.

текста — это улица не с односторонним, а скорее с двусторонним движением. Текст будет продолжать оказывать влияние в той степени, в какой реальные читатели смогут идентифицировать себя с предполагаемым читателем. В этом контексте одна из главных задач экзегезы, учитывающей нарративный метод, состоит в том, чтобы облегчить этот процесс идентификации. Развитие герменевтики в XX в. убеждает нас в том, что субъективность интерпретации — это не то, чего следует избегать, а то, что следует признать и принять²⁹.

Другими словами, цель нарративного подхода состоит не просто в том, чтобы интерпретировать Библию на основе повествования, но и в том, чтобы использовать эту герменевтику в качестве модели для интерпретации своей жизни. Нарративный подход призывает тех, кто не знает Христа, переориентировать повествование о своей жизни на повествование Библии. Нарративы обладают огромной силой как для формирования мировоззрения, так и для конфронтации, а следовательно, и для евангелизации и апологетики.

Примечательно, что в библейском нарративе факт и его интерпретация сливаются в неразделимое целое. Акт повествования — это акт выражения, который, прежде чем стать передачей смысла, является порождением смысла. Вообще для древней культуры религиозного текста, которой принадлежит Библия, не характерно жесткое и четкое противопоставление факта и его истолкования, тогда как для современного человека характерно стремление к объективной, независимой ни от какой субъективности, фактографичности в тексте, который раскрывает реально произошедшие в эмпирической истории события. Интерпретация библейских повествований предполагает нечто большее, чем просто понимание текста как объекта, находящегося напротив меня, о котором я стремлюсь получить рациональное, объективное. Истории были написаны для того, чтобы что-то сделать с людьми.

В повествованиях Ветхого Завета библейские персонажи часто служат образцами для подражания в том, что касается веры, поведения и переживаний. Широко используются перспектива персонажа и прямой дискурс. Используя эти приемы, рассказчик развивает сочувствие даже к таким грешникам, как Каин, Давид или Иона. Принимая точку зрения главного героя, читатель погружается в историю и становится свидетелем Божьей милости или наказания. Рассказчик почти невидим и обычно напрямую не комментирует поведение персонажей,

29 Collin A. Paul Ricoeur and Biblical Hermeneutics: Narrative, Genre, and Self // Senior Theses. 404. URL: https://scholarcommons.sc.edu/senior_theses/404.

поэтому решение остается за читателем, которому рассказывают о последствиях такого поведения³⁰. Исследователь Шмитц, например, описывает повествование в 1 Царств 13 и 22 и показывает, что авторы могут создавать сложные эффекты с помощью перспективы, оставляя читателю возможность определить, какая из точек зрения противоположных персонажей верна³¹. Примечательно, что ветхозаветные повествования порой отбрасывают ненужные детали — контекстуальные, описательные или атрибутивные — чтобы сосредоточиться на фрагменте разговора, приписываемом отдельным людям. Таким образом, читатель вынужден извлекать свои собственные подсказки из общей совокупности высказываний, чтобы понять мотивацию отдельных персонажей. На примере Ветхого Завета мы можем наблюдать, что библейское повествование состоит в основном из диалогов и некоторых топографических и временных заметок, которые содержат предысторию и задают обстановку для рассказа. Основное внимание уделяется взаимодействию персонажей, поскольку они предоставляют ту сумму информации, из которой складывается история.

Библейский текст как носитель литературных форм воздействия на читателя позволяет не только усвоить некоторую историческую, богословскую или этическую информацию, а еще и лучше познать самого себя и окружающую действительность в акте прочтения и углубления в священный текст: «Обращаясь к Библии как к литературному произведению, мы не просто усваиваем информацию, но начинаем лучше понимать самих себя и окружающий мир»³².

Наличие в библейском тексте приемов литературного воздействия на читателя

В этой связи стоит отметить, что литературная интерпретация библейского текста предполагает анализ не только того, что говорится, но и того, как говорится о чем-то. С помощью стиливых и жанровых приемов в библейском тексте рассказчики указывают читателю способы интерпретации текста. Анализ библейского текста как литературного памятника, внимание к его литературным особенностям

30 *Finnern S. Narration in Religious Discourse: The Example of Christianity.*

31 Там же.

32 *Мень А., прот. Жанры литературные в Библии // Мень А. Библиологический словарь, М.: Фонд Александра Меня, 2002. Т. 1. С. 439–443.*

древневосточного происхождения позволяет нам осознать отличие библейского повествования от тех принципов литературного изъяснения, которые характерны для западноевропейского рационалистического мышления, например, параллелизм, сочетание конспективного повествования с непоследовательностью изложения событий, подчеркнутая образность и глубокая аллегоричность.

Ж. Л. Ска подчеркивает, что, если повествователь и сюжет являются основными элементами повествования, из этого следует, что драматические критерии более важны, чем просто стилистические критерии для разграничения текста. Стилистические особенности присутствуют в стихах, псалмах, литературе мудрости, кодексах законов, юридических текстах, письмах, беседах и пророческих оракулах, и это лишь несколько литературных типов, встречающихся в Библии. Но функция этих стилистических особенностей не одинакова в каждом случае. Поэтому рекомендуется анализировать стилистические особенности в том контексте, в котором они проявляются³³.

Когда речь заходит о литературных свойствах, становится особенно ясно, что литературный подход должен охватывать все существующие свидетельства о тематике и литературной взаимосвязи между отдельными частями: фразами, риторическими фигурами, метафорами и литературными жанрами. «Построение сюжета» относится к авторскому отбору и расположению эпизодов в повествовании. Эпизоды имеют разный вес в общем сюжете. Некоторые из них явно выполняют важные функции при развитии сюжета развивается, в то время как другие играют вспомогательную роль, каким-то образом дополняя ключевые сцены или просто добавляя красок. Некоторые эпизоды явно управляют сюжетом, в то время как другие не играют такой неотъемлемой роли и могут быть отброшены без ущерба для сюжета³⁴.

Неудивительно, что древние израильские писатели использовали различные повествовательные приемы, которые больше непосредственно не доступны современным читателям. Например, библейское повествование, в отличие от большей части современной литературы, характеризуется ярко выраженным использованием повторов. На уровне композиционной формы повторение формирует как диалоги, так и типовые сцены. Таким образом, персонаж почти повторяет

33 *Ska J. L.* «Our Fathers have told us». Introduction to the analysis of Hebrew narratives. R.: Gregorian & Biblical Press, 2000. С. 2.

34 Method: Narrative Criticism, A Plotting Exercise. URL: <https://webpages.scu.edu/ftp/cmurphy/courses/pmin210/workbook/08.pdf>.

то, что только что было сообщено другим персонажем, или то, что только что было рассказано в повествовании. Или определенная последовательность событий (например, возвешение о рождении героя) почти повторяется в нескольких разных случаях³⁵.

Учитывая эти особенности, мы глубже понимаем библейский текст. Чем прилежнее читатель отслеживает и истолковывает использование автором художественных средств, тем полнее отображается в читательском воображении *картина мира*, созданного автором, тем точнее интерпретация произведения. От читателя Библии рассказчик ожидает активного использования воображения для воссоздания тех реалии, которые описывает автор, чтобы привлечь читателя к *переживанию* описываемого материала, а также, что немаловажно, *верного понимания жанра* произведения. Жанровые особенности литературного памятника обуславливают его восприятие читателем. Важно понимать, что опыт в художественном произведении представлен, а не описан, в связи с чем и требуется задействовать воображение: «Иными словами, в произведении литературы переживание не просто описано, но изображено и воплощено; истина не констатируется, но обнаруживается в событиях и действиях»³⁶.

Роль воображения в нарративной теологии является критическим и в некоторой степени вызывающим разногласия вопросом. Обычно возникает вопрос: какой степенью свободы выражения пользовались библейские авторы, когда они завершали окончательную форму текста? Воображение вызывает разногласия, потому что оно, кажется, живет в спектре, противоположном историчности. Мы могли бы предположить, что если автор творчески представил себе три четверти текста, то только одна четверть текста основана на исторических событиях. Исходя из этого предположения, мы могли бы сделать вывод, что воображение представляет угрозу историчности. Это не обязательно верно. взаимосвязь между воображением и историчностью гораздо более тонкая³⁷.

Необходимо учитывать, что литературный жанр и форма — это некая социальная условность, обеспечивающая в определенном контексте

35 *Kawashima R. S.* Bible: Narrative literature and the Birth of Prose Literature // Oxford Handbook of Biblical Narrative. URL: https://www.academia.edu/28325090/Biblical_Narrative_and_the_Birth_of_Prose_Literature.

36 *Райкен Л.* Библия как памятник художественной литературы. С. 19

37 *Steven P.* The Contemporary Use of Narrative Theology: Comparison of the Prolegomena of Brueggemann, Waltke and Goldingay. URL: https://www.academia.edu/5827115/The_Contemporary_Use_of_Narrative_Theology.

подлинное значение малых единиц языка и текста. О. Александр Мень насчитывает в библейском корпусе 31 жанр. Например, основные новозаветные жанры — евангелия, деяния, послания и апокалипсис соответствуют древним биографической³⁸, исторической, эпистолярной и апокалиптической литературам, каждая из которых содержит в себе множество других жанров. В библейской прозе преобладает героическое повествование. Герой предстает в качестве носителя особых моральных качеств и восхищает читателя своим поведением. Это позволяет создать ситуацию экзистенциального сопереживания священных событий: «Он «входит» в повествование, отождествляя себя с наиболее близким ему героем. Иными словами, читатель художественного текста — не сторонний, отстраненный наблюдатель, а непосредственный участник события повествования»³⁹.

Хотя фигура Бога не всегда очевидна в библейских повествованиях, Его важность означает, что Его следует считать вездесущим персонажем. Ярким примером этого является библейская книга Есфирь, в которой ни разу не упоминается Бог, но которая эффективно прославляет Божье провидение, когда ее читает информированная аудитория⁴⁰. В Библии Бог является предполагаемым главным героем каждой истории. Даже если Он не упоминается напрямую, читатель всегда должен искать то, чему история учит о Боге.

Главным персонажем в сюжете рассказа является протагонист (ведущий мужчина или женщина). В библейских повествованиях важную роль играет антагонист. Его присутствие создает контраст с центральным персонажем /героиней, а также может бросить им вызов. Эти антагонисты могут быть использованы библейскими авторами для представления потенциально разлагающего влияния дьявола. Конечно, главный герой не всегда является объединяющим элементом в истории. Объединяющим элементом может быть действие или решение, но в каждом случае переводчик должен определить параметры истории, прежде чем приступить к интерпретации.

Два распространенных библейских повествования, встречающихся в Библии — это исторические повествования и притчи. В любом повествовании обстановка является ключом к контекстуализации. В зависимости от библейского повествования меняется тип обстановки и ее

38 Однако в современном смысле евангелия биографиями не являются (Ауни Д. Новый Завет и его литературное окружение. С. 61).

39 Райкен Л. Библия как памятник художественной литературы. С. 16.

40 Finner S. Narration in Religious Discourse: The Example of Christianity.

относительная важность. В исторических повествованиях обстановка, как правило, реальная, историческая и осязаемая. В случае с притчами обстановка отошла на второй план по сравнению со смыслом повествования.

В Священном Писании рассказчик обычно обладает всезнанием и демонстрирует это явно. Он предоставляет топографические и временные детали, проникает в мотивы персонажей, их эмоции и отдает предпочтение одному персонажу перед другим, рассказывая историю с точки зрения одного персонажа. Хотя рассказчики в Библии ведет повествование со всеведущей точки зрения, которая дает им божественное знание событий в истории, рассказчики обычно остаются на заднем плане, позволяя истории развиваться, полагаясь на персонажей и диалоги, чтобы предоставить необходимую информацию читателям. В повествовании могут возникать различные типы пробелов. В некоторых случаях рассказчик полагается на читателя в заполнении недостающих деталей.

Говоря о Писании как о литературе, необходимо принимать во внимание, что, например, Евангелия не сводимы как литературные памятники ни к исторической хронологии, ни к вероучительному трактату, ни к рассказу в стандартном для современника смысле этого слова: «...жанр евангелия далёк от хронологически и исторически выверенного отчёта о событиях, это не сборник проповедей и притч. Евангелие ближе к рассказу, но это и не рассказ в его привычной для нас форме с чёткой сюжетной линией. Евангелие — фрагментарное повествование, и подходить к его трактовке надо с точки зрения интерпретации повествовательных жанров. Евангелие создаёт впечатление довольно пёстрой жизни, увлекающей непрерывной смены событий и персонажей, объединённых присутствием главного действующего лица — Христа, который тоже не описывается исторически подробно, а художественно, выборочно. И начинать анализ произведения такого жанра следует с того, как изображается главный герой, как описан общий фон, скорость развития и последовательность событий в жизни героя, какие конфликты являются ключевыми для развития сюжета, каковы завязка, кульминация и развязка действия»⁴¹. Учитывая то, что библейский текст — это по своей форме и структуре художественное произведение, мы создаем благоприятную почву для решения некоторых затруднений, например, проблемы согласования евангелистов.

41 Поликин С. В. Библия как литература. С. 12.

Зачастую библейская критика (как на профессиональном, так и на любительском уровне) требует от древнего священного текста того, что он в принципе не может дать и не должен собой являть, чтобы стать нормативным повествованием: «Всякий текст рассчитан на то, чтобы ему задавали определенные вопросы и интерпретировали его по определенным правилам... Если задать тексту вопрос, который не предполагался при его написании, то результатом будет абсурд»⁴². Не учитывая литературные особенности библейского текста, обусловленные вполне определенной культурной составляющей, мы создаем почву для ложных обвинений Библии в представлении нам некачественного или фундаментально поврежденного повествования.

Однако литературный подход также может доходить до крайности, рассматривая Священное Писание всего лишь как еще одно литературное произведение, которое необходимо проанализировать, чтобы понять историю. Как и в случае с повествованием, рассказчик также показывает нам Бога говорящим и действующим. И точно так же, как в случае с любым другим персонажем, читатель должен сделать вывод о качествах Божества, которые проявляются в том, что Бог говорит или делает. У современного читателя неизбежно возникает искушение истолковать характер Бога в этой истории в соответствии со своим собственным теологическим пониманием Божества. Но это явно неуместно: у нас нет гарантии, что наше понимание Бога идентично тому, которое подразумеваемый автор ожидает от подразумеваемого читателя привнести в текст. Более того, для предполагаемого автора нет ничего невозможного в создании сюжетного мира, в котором персонаж по имени «Бог» говорит или действует не так, как автор ожидал бы от Божества, которому автор поклоняется в реальном мире⁴³.

В данной статье мы показали, что внимание к литературным приемам, которые были использованы древними писателями священных текстов, позволяет нам глубже понимать библейский текст. Библия должна восприниматься не только как богодухновенное Писание, но и как художественная литература, имеющая свою культурную, жанровую и лингвистическую специфику. Нельзя воспринимать Священное Писание исключительно как историческую хронологию, дополненную поэтическими

42 Селезнев М. О пользе библейской критики для христианского богословия. URL: <https://bogoslov.ru/article/3672232>.

43 Howe T. Biblical criticism: Reader-Response and Narrative Criticism. URL: <https://christianpublishinghouse.co/2019/07/25/biblical-criticism-reader-response-and-narrative-criticism/>.

отступлениями или искаженную отступлением от канонов строго объективного описания. Также некорректно сводить Библию к вероучительному трактату, изложенному символическим языком. Внимательный литературоведческий анализ показывает, что Евангелия не тождественны рассказам или биографиям в современном значении этих слов. Библейский текст отражает особенности построения художественного текста в определенной историко-культурной парадигме и должен анализировать как нарративное образование, когда мы учитываем взаимодействие субъектностей читателя и рассказчика через посредство художественных форм, создающих условия для экзистенциального сопереживания события тем адресатом, которому обращено священное повествование. Помимо вовлечения читателя в мировоззрение рассказчика и экзистенциальное ядро событий прошлого, Библия как художественный текст ждет от адресата священного текста эмоционального и деятельного отклика. Цель библейских авторов состоит не только в том, чтобы сообщить человечеству о божественном послании, но и призвать человечество откликнуться на божественное послание.

Не будет ошибкой или посягательством на богодухновенность Священного Писания сказать, что библейское повествование подобно современному роману, создает дуализм, включающий объективные факты о повествовательном мире и субъективные факты, живущие в сознании персонажей, создавая таким образом поразительно ранний пример литературного реализма. Подход к библейскому тексту в соответствии с его литературными характеристиками является важным достижением в изучении Библии. Литературные приемы, которые использовали авторы, были разработаны для того, чтобы подвести читателя к пониманию важных аспектов литературного произведения. У авторов библейского текста не было инструментов, доступных тем, кто выступает перед аудиторией. Авторам Священных Писаний было необходимо использовать свои литературные навыки, чтобы донести информацию, подчеркнуть ее, побудить читателя откликнуться. Подход к библейскому тексту как к литературе позволяет переводчику обнаружить эти приемы и извлечь из текста то, что автор хотел донести до читателя.

Итак, литературный анализ Библии предполагает ответы на вопросы о жанре библейского текста, о его основных идеях и темах, о структуре текста и о том, что из каких частей он состоит и что связывает их в единое целое; какие интертекстуальные связи присутствуют в библейском повествовании; какие фигуры речи и художественные приемы были использованы в этом тексте.

Библейский текст может считаться литературой с точки зрения формы и содержания по следующим причинам:

- 1) наличие литературности в узком смысле слова — присутствие и конститутивно-типологического, и аксиологически-нормативного аспектов;
- 2) поэтичность, эстетичность и художественность текста;
- 3) подчиненность библейского текста теориям речевой коммуникации, возможность выявить в библейском тексте «грамматику» художественных форм;
- 4) использование различных типовых жанровых форм, разножанровость;
- 5) присутствие нарративных элементов;
- 6) несводимость к простой историографии; переплетение документальных и художественных элементов;
- 7) объективно доказанное влияние литературных традиций нееврейского происхождения на библейский текст;
- 8) Библия является письменным памятником общественного значения;
- 9) присутствие стремления рассказчика повлиять на читателя художественными формами.

В то же время Библия свидетельствует о некоторой несводимости к классу литературы по следующим причинам:

- 1) Библия нарушает традиционные формы рассказывания при повествовании о древнейших событиях (это видно при анализе библейского Шестоднева);
- 2) Библия осмысляет себя и осмысляется Церковью как богодухновенный текст;
- 3) библейский текст имеет свойство документальности, которая важна с точки зрения самого библейского текста; Библия не сводима исключительно к художественному тексту; библейский историзм на уровне литературного повествования был уникальным явлением для соответствующей эпохи;
- 4) авторы библейских текстов мыслили себя чем-то большим в сравнении с обычными рассказчиками художественного текста, подчиняя его высоким сотериологическим целям.

В заключение стоит сказать о том, что рамках нарративного анализа библейского текста возникает вопрос о применении понятия

фикциональности (как основной характеристики художественного текста) к Священному Писанию. В художественном тексте присутствует вымысел. Конечно же, вымысел может быть, согласно терминологии В. Ю. Клейменовой, «жизнеподобным»⁴⁴; степень соответствия реальным историческим образцам и реалиям может быть градуирована по степени жизнеподобности. Однако даже самый жизнеподобный вымысел содержит в себе некоторый минимум фикциональности, которая в данном случае будет совпадать с присутствием субъективной оценки автора в тексте.

Субъективность, как известно, не устранима из любого повествования. В этом контексте библейский текст на предмет присутствия в нем качества фиктивности можно соотнести с литературными повествованиями с максимальной жизнеподобностью. Функцию «вымысла», который присутствует в стандартном художественном тексте, будут в случае со Священным Писанием выполнять субъективная позиция авторов библейских книг, лучше сказать, субъектная (чтобы избежать превратного и привычного многим понимания «субъективности» как необъективного мнения). Ее присутствие благословлено Богом, и традиционно христианские апологеты указывают на неслучайность допущения этой многосубъектности в корпусе книг Священного Писания. Различие точек зрения евангелистов, их неодинаковая организация повествовательного материала, обеспечивает ту самую максимально жизнеподобную фикциональность, которая требуется в литературном произведении, выстраивающим повествование по законам художественного жанра.

Еще одной проблемой применения нарративного подхода к библейскому тексту является осмысление функциональности форм литературного воздействия на читателя: нет ли опасности в контексте нарративного анализа свести их к манипулятивным механизмам управления вниманием, которые искусственно «прикреплены» к историческому и богооткровенному содержанию библейского текста?

По этому поводу стоит сказать о том, что разделение формы и содержания как внешнего/случайного и внутреннего/обязательного нельзя абсолютизировать. Диалектика формы и содержания неустраима в процессе желаемого многими исследователями стремления полностью «очистить» смысловое наполнение от форм внешнего выражения. Внешнее и внутреннее — соотносимые понятия, друг без друга не существующие. Внутреннее всегда будет иметь свою неслучайную явленность вовне в некоторой форме, в особенности, когда речь идет о жизнеподобных

44 Клейменова В. Ю. Фикциональность и вымысел в тексте // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 143. С. 94–102.

текстах. Содержание раскрывает себя в каких-то формах не абстрактно, через органику личностного бытия рассказчика. В этом контексте выделение содержания из формы и «очищение» от формы предстают процессом и направленностью, а не механически и однократно свершаемым фактом. Учитывая личностную вовлеченность авторов библейских текстов в повествование, их целеполагание, уважительное отношение древних людей к сакральным нарративам, мы приходим к мысли о том, что использование художественных форм с целью воздействия на читателя не было манипулятивным и всецело субъективным (в смысле личностного произвола в организации повествования).

Библиография

- Analyse Narrative Et Bible: Deuxieme Colloque International Du Rrenab, Louvain-La-Neuve / Ed. C. Focant, A Wenin. Leuven University Press/Peeters; Leuven-Paris-Dudley, 2005.
- Collin A.* Paul Ricoeur and Biblical Hermeneutics: Narrative, Genre, and Self // Senior Theses. 404 [Электронный ресурс]. URL: https://scholarcommons.sc.edu/senior_theses/404 (дата обращения 12.12.2024).
- Dennis B.* Guidelines for Interpreting Biblical Narrative [Электронный ресурс]. URL: <https://crivoice.org/narrguide.html> (дата обращения 12.12.2024).
- Finnern S.* Narration in Religious Discourse: The Example of Christianity // The Living Handbook of Narratology, Hamburg: Hamburg University [Электронный ресурс]. URL: www.lhn.uni-hamburg.de/article/narration-religious-discourse-example-christianity (дата обращения 04.01.2025).
- Howe T.* Biblical criticism: Reader-Response and Narrative Criticism [Электронный ресурс]. URL: <https://christianpublishinghouse.co/2019/07/25/biblical-criticism-reader-response-and-narrative-criticism/> (дата обращения 09.01.2025).
- Kawashima R. S.* Bible: Narrative literature and the Birth of Prose Literature // Oxford Handbook of Biblical Narrative [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/28325090/Biblical_Narrative_and_the_Birth_of_Prose_Literature (дата обращения 29.11.2024).
- Method: Narrative Criticism, A Plotting Exercise [Электронный ресурс]. URL: <https://webpages.scu.edu/ftp/cmurphy/courses/pmin210/workbook/08.pdf> (дата обращения 09.01.2025).
- Petterson B.* The narrator's point of view and the rhetoric of the narrative speech in the Hebrew Bible [Электронный ресурс]. URL: <https://atenaeditora.com.br/catalogo/artigo-revista/o-ponto-de-vista-do-narrador-e-a-retorica-do-discurso-narrativo-na-biblia-hebraica> (дата обращения 02.12.2024).
- Powell M. A.* What is narrative criticism? Fortress Press; Edition Unstated, 1991. 144 p.
- Ska J. L.* «Our Fathers have told us». Introduction to the analysis of Hebrew narratives. R.: Gregorian & Biblical Press, 2000. 132 p.
- Ska J. L.* The Abraham Cycle: Synchronic and Diachronic Analysis. Pontifical Biblical Institute, 1996.

- Steven P.* The Contemporary Use of Narrative Theology: Comparison of the Prolegomena of Brueggemann, Waltke and Goldingay [Электронный ресурс]. URL: https://www.academia.edu/5827115/The_Contemporary_Use_of_Narrative_Theology (дата обращения 02.12.2024).
- Андреева В. А.* Аспекты литературности // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2008. № 4 (18). С. 7–19.
- Андреева В. А.* Текстовые и дискурсные параметры литературного нарратива: на материале современной немецкоязычной прозы: автореферат дис. ... доктора филологических наук. СПб., 2009. 37 с.
- Ауни Д. Е.* Новый Завет и его литературное окружение. СПб.: Российское Библейское Общество, 2000. 273 с.
- Гальбиати Э., Пьяцца А.* Трудные страницы Библии. Ветхий Завет. Милан — Москва: Христианская Россия, 1992. 302 с.
- Десницкий А.* Поэтика библейского параллелизма. М.: Библейско-богословский Институт св. апостола Андрея, 2007. 554 с.
- Клейменова В. Ю.* Фикциональность и вымысел в тексте // Известия РГПУ им. А. И. Герцена. 2011. № 143. С. 94–102.
- Мень А., прот.* Жанры литературные в Библии // Мень А. Библиологический словарь, М.: Фонд Александра Меня, 2002. Т. 1. С. 439–443.
- Обухов К. Н.* Проблема удержания смысла в ситуации речевой коммуникации в концепции Р. Якобсона // Вестник Удмуртского университета. 2010. № 2. С. 34–36.
- Поликин С. В.* Библия как литература. Специфика жанровых особенностей Писания и их интерпретации. СПб., 2013. 15 с.
- Райкен Л.* Библия как памятник художественной литературы. Киев — СПб: МАХШ, 2002. 266 с.
- Селезнев М.* О пользе библейской критики для христианского богословия [Электронный ресурс]. URL: <https://bogoslav.ru/article/3672232> (дата обращения 11.01.2025).
- Синило Г. В.* Древние литературы Ближнего Востока и мир ТаНаХа. Мн.: ЗАО Изд. центр «Экономпресс», 1998. 471 с.
- Торчинов Е. А.* Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Центр «Петербургское Востоковедение», 1998. 384 с.
- Шмид В.* Нарратология. М.: Языки славянской культуры, 2003. 312 с.